

РЕЦЕНЗИИ

Б. А. Ларин. Эстетика слова и язык писателя. — Л., ЛО изд-ва «Художественная литература», 1974. 285 стр.

Недавно вышедшая в свет книга избранных статей Б. А. Ларина под общим заглавием «Эстетика слова и язык писателей» — выдающееся событие в нашей научно-литературной жизни. Борис Александрович Ларин (1893—1964), профессор Ленинградского университета, член-корр. Академии наук СССР и действительный член Академии наук Литовской ССР, был ученым необычайно широкого научного кругозора. Он может быть причислен к наиболее видным филологам XX в. Его исследовательские интересы простирались на многие разнообразные ответвления филологического знания. Это санскритология, балтистика и славистика в самом широком плане, и прежде всего русистика и украинистика. Главным полем его научных исследований были история русского языка и диалектология, в частности историческая и региональная лексикология и лексикография. Изучение языка Б. А. Ларин неизменно связывал с изучением жизни и истории народа.

Являясь филологом в полном смысле этого слова, Б. А. Ларин с одинаковым вниманием относился к изучению языка народа и литературно-художественного творчества как искусства слова. Отсюда проистекал органически обусловленный научный интерес к изучению вопросов стилистики художественной речи, языка и стиля произведений писателей. В рецензируемой книге собраны основные работы Б. А. Ларина, написанные им в разные годы на протяжении всего его творческого пути, по смежным вопросам языковедения и литературоведения.

Рецензируемая книга имеет два раздела. Первый посвящен общетеоретическим проблемам изучения стилистики художественной речи. Здесь публикуются две статьи Б. А. Ларина, написанные им еще в 20-е годы: «О разновидностях художественной речи (Семантические этюды)», впервые напечатанная в 1923 г. в сб. «Русская речь» под ред. Л. В. Щербы, вып. I, и «О лирике как разновидности художественной речи (Семантические этюды)», напечатанная в 1927 г. в издании «Русская речь» под ред. Л. В. Щербы, Новая серия, вып. I. Во втором разделе книги

собраны статьи, посвященные изучению языка произведений русской и советской художественной литературы и написанные в 30—60-е годы. Всего в этом разделе книги печатается восемь работ о языке Н. А. Некрасова, А. П. Чехова, М. Горького, М. Шолохова. В статье «Диалектизмы в языке советских писателей» (понятием «диалектизмы» Б. А. Ларин охватывал не только областные речения, но и профессионализмы и аргоизмы) рассмотрены в этом отношении произведения Л. Леонова, И. Эренбурга, М. Шолохова, созданные в 30-е годы.

Благодаря такому расположению публикуемых материалов читатели имеют возможность не только ознакомиться со взглядами Б. А. Ларина на многие сложные явления стилистики художественной речи, но и проследить эволюцию его взглядов, увидеть непрерывное совершенствование методологии и методики его филологических исследований. Сборник завершает краткая библиографическая справка, в которой даются необходимые сведения о времени написания и первоначальной публикации каждой из помещенных в сборнике статей.

Предваряется книга развернутой вступительной статьей «Б. А. Ларин как исследователь языка художественной литературы», написанной А. В. Федоровым, видным специалистом по общей и сопоставительной стилистике и теории перевода. С большой глубиной и с предельной ясностью здесь раскрыт образ автора книги как ученого, внесшего большой вклад в развитие той отрасли филологической науки, которая сложилась в советскую эпоху на стыке между литературоведением и языкознанием и занимается языком художественной литературы» (стр. 3). В статье справедливо отмечается, что хотя работы по эстетике слова, по языку писателя в научном наследии Б. А. Ларина составляют в количественном отношении меньшую часть, но по своей теоретической и практической значимости они заслуживают пристального внимания, отвечая насущным запросам современной науки.

Первая статья Б. А. Ларина «О разновидностях художественной речи» появилась более чем столетием тому назад.

Работы по этой тематике публиковались на протяжении всего его сложного и многогранного жизненного пути. Они давно и заслуженно получили научное признание как в нашей стране, так и за рубежом. Однако громадному большинству читателей, интересующихся проблемами филологии, работы Б. А. Ларина, публиковавшиеся в различных малотиражных периодических изданиях и не собранные во всей совокупности, оставались практически недоступны. Мы должны высказать искреннюю признательность издательству «Художественная литература» за то, что оно взяло на себя опубликование этой книги.

Исследованиям Б. А. Ларина свойственны обширные экскурсы и сопоставления за пределами русской литературы. Так, в работе «О разновидностях художественной речи» поэтика русских стихотворений начала XX в. сопоставляется с поэтикой ведических гимнов и этимологических комментариев к ним Яски (древняя Индия); в работе «О лирике как разновидности художественной речи» столь же органичны экскурсы, совершаемые Б. А. Лариным в область древнеперсидской или арабской доисламской поэзии с целью более глубокого понимания лирики А. Блока, В. Хлебникова, раннего Маяковского. Столь же органично в первой из названных статей сопоставление «Кобзаря» Тараса Шевченко с произведениями Л. Толстого и Гоголя в восприятии старых дореволюционных русских крестьян или сопоставление сказителей старин, от которых записаны фольклорные варианты произведений допетровской славянской литературы, с нищим персом, «носившим в своих лохмотьях зачитанные листы Саади» (стр. 43).

Как правильно подчеркивается во вступительной статье А. В. Федорова, основным предметом размышлений Б. А. Ларина была не теория литературы и не теория литературных жанров, а стилистика как часть поэтики. Язык художественной литературы как ее существенная и неотъемлемая принадлежность отличает литературу и от иных, несловесных искусств, и от общеупотребительного языка, на котором говорят и пишут. Поэтому именно язык художественных произведений стал для Б. А. Ларина главным и основным предметом внимания.

Научные взгляды Б. А. Ларина на многие проблемы, связанные с изучением языка художественной литературы, изменялись и совершенствовались в методологическом отношении. Однако главное и основное в них не менялось и оставалось глубоким убеждением Б. А. Ларина. Это прежде всего положение об эстетической функции каждого слова в контексте художественного целого. Важнейшей для концепции стилистики художественной речи Б. А. Ларина является сформулированная уже в его ранних статьях 20-х

годов категория «эстетического значения слова». Слово в художественном тексте живет как «намеком включенных мыслей, эмоций, волнений». По убеждению Б. А. Ларина, в эстетическом значении слова «не дана сплошная смысловая ценность слова, а только обозначены пределы разного в каждом случае ассоциативного развертывания смысла данной речи» (стр. 34). Как сказано в статье А. В. Федорова, эстетическое значение слова — это глубина смысла, который слово приобретает в составе языка целого литературного произведения, «где оно может выступать в разных, но соотносительных друг с другом контекстах, по-разному освещающих его» (стр. 9).

Б. А. Ларин в конце своей статьи «О разновидностях художественной речи» подчеркивал: «Мое искомое — смысловой коэффициент художественной речи» (стр. 47). По мысли Б. А. Ларина, словарь к произведениям художественной литературы (иначе — словарь языка писателя) должен являться полным и объяснительным, раскрывающим все эстетические функции и значения каждого употребленного писателем слова, все заключенные в нем семантические оттенки и обертоны, обусловленные широким контекстом художественного целого. Такой словарь будет способен служить твердой основой для последующей разработки идеологического словаря писателя, словаря, призванного раскрыть как мировоззрение, так и эстетическую систему художника слова. Взгляды Б. А. Ларина на эстетику слова помогут будущим исследованиям производить полный и объективный анализ языка писателя, который Б. А. Ларин условно назвал «спектральным анализом стиля» (стр. 277).

Рецензируемая книга тщательно отредактирована. Естественно, кое-что в отдельных частях вошедших в нее статей не выдержало испытания временем, и редакторы издательства правильно поступили, исключив отдельные места, что оговорено в библиографической справке. Жаль только, что такие редакторские сокращения текста не везде отмечены отточиями. Художественные тексты, использованные в первоначальных публикациях Б. А. Ларина, как правило, при подготовке сборника подвергались необходимой проверке по изданиям. Однако, к сожалению, это производилось недостаточно последовательно и точно. Так, на стр. 206 в статье «Заметки о языке пьес М. Горького и его театральной интерпретации» допущена досадная опечатка, искажающая горьковский текст в реплике Егора Булычова. В библиографической справке на стр. 284 следовало бы указать, что статья «Рассказ М. Шолохова „Судьба человека“ (Опыт анализа формы)» после первого опубликования в журнале «Нева» (1959, 9) еще раз была напечатана в журнале «Русский язык в школе» (1965,

2). Эти мелочи легко могут быть устранены при следующем переиздании избранных статей Б. А. Ларина, которое безусловно необходимо. Ведь книга была из-

дана недостаточным тиражом (10 000 экз.) и разошлась буквально в два дня.

Н. А. Мещерский

A. Lombard. La langue roumaine. Une présentation.—Paris, Editions Klincksieck, 1974. 396 стр.

Книга известного шведского лингвиста-романиста А. Ломбарда вышла в серии «Лингвистические руководства и лингвистические разыскания», которая издается «Центром романской филологии» при Страсбургском университете во Франции. А. Ломбард — представитель старшего поколения шведских лингвистов. Его перу принадлежат многочисленные капитальные работы, большая часть которых относится к румынскому и французскому языкам, в частности и в особенности к их грамматическому строю. Можно без преувеличения сказать, что в наши дни А. Ломбард является, по-видимому, самым крупным специалистом в области румынского языка за пределами самой Румынии. Начиная с 1940 г. под руководством А. Ломбарда в шведском университете города Лунда публикуется серия лингвистических разысканий в области романской филологии, авторами которой являются ученики и последователи ученого.

Рецензируемая книга во многих отношениях представляется мне новаторской: перед нами отличный учебник румынского языка и одновременно исследование его грамматического строя, подробное синхронное описание языка и одновременно его же историческая грамматика, самоучитель и одновременно теоретический курс, хрестоматия румынских текстов, составленных *ad hoc*, и одновременно их тщательный филологический анализ. И все это помещается в одном томе и не выходит за пределы четырехсот страниц. Получилась настольная книга для всякого лингвиста-романиста.

Нельзя не отметить еще одной общей характерной особенности всей книги. А. Ломбард нигде не обсуждает общих вопросов языкознания: теории соотношения синхронии и диахронии, теории общей и конкретной грамматики. Не обосновывает он и пропорции между грамматической частью и частью иллюстративной. Он нигде не говорит о том, насколько описание современного состояния языка допускает историческую интерпретацию его строя и насколько интерпретация помогает или «мешает» пониманию грамматического строя. Но странное дело. Хотя в книге нет обоснованной теории, но материал самой книги, его тщательно продуманная «подача», говорят о многом. Изучив монографию, читатель убеждается

на практике, что история языка и исторические экскурсы не только нисколько не препятствуют усвоить грамматическую систему современного языка, но, напротив, помогают точнее и глубже осмыслить подобную систему. Весь вопрос в том, как и для чего прибегает исследователь к подобным историческим толкованиям. В книге А. Ломбарда все это сделано рукой опытного мастера.

Сказанное, разумеется, не означает, что я хочу хоть в какой-то мере бросить тень на огромное методологическое значение обсуждения общих вопросов лингвистической теории. Это значение не подложит никакому сомнению, особенно в наше время. Но вместе с тем я хочу сказать, что наука нуждается не только в общетеоретических, но и в практических решениях. Надо обсуждать, например, не только как должна соотноситься синхрония и диахрония при описании синхронного состояния любого языка. Надо стремиться одновременно и к другому: при самом описании всякого конкретного языка — русского или румынского, английского или японского — каждый раз показывать, что практически дает диахрония синхронии, насколько она помогает или не помогает читателю уразуметь современное состояние анализируемого конкретного языка. А. Ломбарду удалось убедить своих читателей, что именно диахрония, умело «поданная», как бы прожектором освещает те синхронные «стыки» в системе языка, которые сами находятся в постоянном движении, осложняя каркас языка. Недаром многие лингвисты нашего времени все чаще и чаще теперь говорят об антисистемном движении в самой лингвистической системе¹. Как мне уже приходилось неоднократно писать, дилемма «либо системное описание, либо историческое описание языка» должна быть признана ложной дилеммой. Вместе с тем — и здесь нет никакого противоречия — синхрония сохраняет свою специфику в отличие от диахронии.

Приведу лишь один пример подобной «опоры» на историю при осмыслении синхронии. Уже на первых же страницах своей книги Ломбард, сообщая, что в румын-

¹ См., например: M. Wandruszka, *Interlinguistik. Umrisse einer neuen Sprachwissenschaft*, München, 1971, стр. 53—73.